

У тебя все получится, дорогая моя

Автор:

[Аньес Мартен-Люган](#)

У тебя все получится, дорогая моя

Аньес Мартен-Люган

Молодая француженка Аньес Мартен-Люган, автор бестселлера "Счастливые люди читают книжки и пьют кофе", наконец-то выпустила вторую книгу. Тоже о любви. И о том, что многое в нашей жизни зависит от нас самих. "У тебя все получится, дорогая моя" – чудесная история современной Золушки, которая не стала дожидаться феи, чтобы изменить свою судьбу.

У Ирис талант модельера, однако родители заставили ее выбрать другую профессию. Скучная работа в банке и равнодушный муж – вот вся ее жизнь, однообразно текущая в провинциальном городке. В тридцать один год Ирис решает осуществить свою давнюю мечту и отправляется в Париж, чтобы открыть для себя мир моды и стать дизайнером. Она попадает в странное ателье, где всем руководит таинственная красавица Марта, и события принимают неожиданный и захватывающий оборот.

Аньес Мартен-Люган

У тебя все получится, дорогая моя

Гийому, Симону-Адероу и Реми-Тарику, которые делают меня счастливой

Agn?s Martin-Lugand

Entre mes mains le bonheur se faufile

Перевод с французского Натальи Добробабенко

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Editions Michel Lafon, 2014

© Marianna Massey, cover photo, 2014

© Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2015

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015

© ООО "Издательство АСТ", 2015 Издательство CORPUS ®

Глава первая

Счастье – это воплощение детской мечты во взрослой жизни.

Зигмунд Фрейд

Самый лучший наряд для женщины – объятия любимого мужчины.

Ив Сен-Лоран

Как всегда по воскресеньям, ехать мне не хотелось. Как всегда по воскресеньям, я, как могла, тянула время. А толку? – Ирис! – позвал Пьер. – Ты скоро?

– Да-да, уже иду.

– Давай скорей, мы опаздываем.

Почему муж так рвется на обед к моим родителям? Я, например, что угодно отдала бы, лишь бы отвертеться. Единственный плюс – можно надеть новое платье. Вчера вечером я успела закончить его, и оно мне понравилось. Я старалась по возможности не разучиться шить, не терять навыки. К тому же за шитьем я забывала обо всем: о смертельно скучной работе в банке, о повседневной рутине, о том, что мы с мужем больше вместе не спим. У меня пропадало ощущение, будто я живу в полусне. Напротив, я чувствовала себя живой: когда я работала в паре со своей швейной машинкой или делала зарисовки моделей, в душе звучала музыка.

Я в последний раз взглянула на себя в зеркало и вздохнула.

Потом спустилась к Пьеру в прихожую, где он нажимал кнопки на телефоне. Я на секунду остановилась, чтобы понаблюдать за ним. Я знаю его почти десять лет. С тех пор его воскресный наряд не изменился ни на волосок: сорочка из “рогожки”, льняные брюки и вечные топсайдеры.

– Я тут, – сообщила я.

Он вздрогнул, словно его поймали на месте преступления, и спрятал мобильник в карман.

– Наконец-то, – проворчал он, надевая пиджак.

– Смотри, вчера закончила. Как тебе?

– Очень красиво, как всегда.

Пьер уже открыл входную дверь и шел к машине. Он даже не взглянул на меня. Как всегда.

Ровно в 12.30 наша машина затормозила перед домом родителей. Отец открыл дверь. Выход на пенсию не пошел ему на пользу, он набирал вес, и воскресный галстук едва не впивался в шею. Он пожал руку зятю, наспех чмокнул меня и тут

же увлек Пьера в гостиную, к бутылке традиционного портвейна. Я тоже зашла в гостиную, чтобы поздороваться со старшими братьями, приступившими уже ко второму бокалу.

Один из них облокотился на каминную доску, другой читал газету на диване, они обсуждали политические новости. Затем я отправилась на женскую половину – в кухню. Мать в фартуке следила, как она это делала все последние сорок лет, за воскресной бараньей ногой, жарившейся в духовке, и открывала банки с зеленой фасолью. Невестки кормили обедом своих чад. Самых маленьких грудью, а те, что постарше, оторвались от праздничного блюда – картофельных крокетов с холодной бужениной, – чтобы чмокнуть свою тетю. Я стала помогать матери – высушила латук и приготовила уксусную заправку, слушая, как они втроем сплетничают о мадам Х, устроившей скандал в аптеке, и о месье N, у которого нашли рак простаты. Мать несколько раз повторила: “Постыдилась бы, так себя не ведут” и “Вот беда-то, такой молодой...”. Я хранила молчание: ненавижу сплетни.

Я продолжала молчать и за обедом, которым, как всегда, дирижировал отец. Время от времени я бросала взгляд на Пьера – он чувствовал себя в кругу моей семьи как рыба в воде. Я же откровенно скучала и томилась. Чтобы немного развлечься, я подавала на стол, как раньше, когда была “единственной девушкой в доме”. Впрочем, ничего удивительного, ведь из всех присутствующих только у нас с Пьером нет детей. Когда я вернулась к столу с сырной тарелкой, ко мне обратилась одна из невесток: – У тебя классное платье, Ирис! Где купила?

Я улыбнулась ей и наконец-то почувствовала на себе взгляд Пьера.

– На собственном чердаке.

Она нахмурилась.

– Я его сама сшила.

– Ах да, я и забыла, что ты немножко умеешь шить.

Мне захотелось ответить, что не одна она такая забывчивая, но я удержалась. У меня не было ни малейшего желания устраивать скандал.

– Слушай, у тебя настоящий талант, я в шоке! Может, и мне что-нибудь сошьешь?

– Если хочешь, потом обсудим.

Ее желание надеть платье было, однако, из области чудес. Смену имиджа невестки можно было рассматривать как вызов, который я почла бы за честь принять. Ведь свои пышные формы – подарок нескольких беременностей – она обычно скрывала под широкими брюками и свитерами на размер больше, чем нужно.

От воцарившегося за столом молчания повеяло холодком, а я предпочла сесть на место и прекратить разговор на эту тему: встреча с разбитой мечтой давалась мне нелегко.

– Жаль все же, что Ирис не пошла в свою школу, – произнес мой старший брат.

Я поставила бокал, не успев сделать и глотка, и искоса посмотрела на него. Он выглядел как человек, который ляпнул чего не следовало. Я повернулась к родителям – они не знали, куда деваться.

– О какой школе вы говорите?

– Ты неправильно поняла, – ответила мать. – Твой брат просто сказал, что ты могла бы добиться успеха в этой области.

Я ухмыльнулась:

– Ну да, мама, ты меня здорово поддержала в моих начинаниях, не забуду никогда!

Меня словно отбросило на десяток лет назад. Я сшила ей выходной наряд. Думаю, если бы она дала мне тогда пощечину, мне было бы не так больно.

– Ирис, ты что, хочешь, чтобы я надела эту тряпку на свадьбу твоего брата? На кого я буду похожа? – бросила она мне в лицо, швырнув платье на стул.

– Мама, ну хотя бы примерь, – умоляла я. – Я уверена, оно тебе очень пойдет, я столько просидела над ним...

– Ну и что получилось? Лучше бы ты потратила это время на подготовку к экзаменам.

Голос брата вернул меня в настоящее. Он изучал лица родителей и вроде был доволен тем, что затронул предмет наших постоянных разногласий, продолжавшихся всю мою юность.

– Да ладно вам, уж расскажите ей. Срок давности истек, и это никак не изменит ее жизнь!

– Кто-нибудь может объяснить мне, о чем речь? – Я занервничала и вскочила из-за стола. – Папа? Мама?

Невестки вопросительно взглянули каждая на своего мужа и тоже встали. По счастливому совпадению, их детям срочно понадобились мамы. Тут и Пьер поднялся, подошел ко мне, обнял за плечи.

– Успокойся, – прошептал он мне на ухо, а потом повернулся к остальным. – Что это за история?

– Ладно, сдаюсь, – провозгласил старший брат, предварительно убедившись, что в столовой не осталось детей. – Ирис, после коммерческой школы ты, никому не сказав ни слова, подала заявление в школу кройки и шитья, так?

– Откуда ты знаешь? Да и какое это имеет значение, все равно меня не приняли.

– Ты так решила, потому что не получила ответа. Тут-то ты и ошибаешься...

Горло сдавило, я задрожала.

– Приняли, но от тебя это скрыли.

Голос брата пробивался ко мне сквозь пелену тумана. Он рассказывал, что родители распечатали письмо и узнали, что я затеяла у них за спиной. А я тогда подумала, что после окончания этой чертовой коммерческой школы, куда они меня запихнули силой, наплевав на то, что я день и ночь бредила швейными машинками и домами моды, у меня появилось право делать то, что мне нравится. В конце концов, я была уже совершеннолетняя и спрашивать их не собиралась. Однако, как теперь выясняется, все вышло иначе: они тайком прочли письмо и сожгли. Они меня предали. Я чувствовала себя так, будто по мне прошелся дорожный каток. Родители украли у меня жизнь. Коленки подгибались, и я с трудом удерживала подкатывающую тошноту. Впрочем, недомогание быстро прошло, его вытеснила нарастающая ярость.

– Прости, мы, наверно, должны были тогда вмешаться...

Плевать я хотела на извинения братьев! Они не испытали на своей шкуре родительскую авторитарность. Во-первых, поскольку они мальчики. Во-вторых, они выбрали юриспруденцию и медицину, что соответствовало представлениям нашей семьи о достойной карьере. Я повернулась к родителям, готовая кусаться, вцепиться им в глотку.

– Как вы могли? Вы... вы... Это подло!

– Твой сдвиг на шитье всегда был смешным, – холодно парировал отец. – Как мы могли позволить тебе стать швеей на фабрике?

– После этой школы я бы не попала на фабрику! А даже если бы и попала, то что?! Мне же это нравится! Простые рабочие вам не по вкусу? Вы не имели права встречать, делать за меня выбор, все ломать...

Все эти годы я объясняла провал собственной бездарностью. Считала, что я неумеха и ни капли способностей к шитью у меня нет. Но все равно продолжала шить и старалась совершенствоваться. А теперь оказывается, что я действительно могла чего-то добиться. Если бы не они, я бы сейчас не прозябала в банке!

– Все, Ирис, хватит! – резко воскликнула мать. – Сколько тебе лет?

– Вы всегда нарочно принижали меня! – закричала я. – Вы никогда в меня не верили!

– Мы хотели тебе добра. Ты вечно витала в облаках. Как мы могли допустить, чтобы ты сделала такое за полгода до свадьбы? День назначен, приглашения напечатаны, платье заказано...

– Пьер, дорогой, вы должны быть нам благодарны, – вмешался отец.

– Не втягивайте меня в эту грязную историю и не рассчитывайте на мою благодарность. Как можно предать своего ребенка? Вы упомянули свадьбу? Так вот, мы должны были обсудить этот вопрос вдвоем, Ирис и я. У вас тогда уже не было права решать за нее. Это стало моей обязанностью, моей ролью.

Я посмотрела на Пьера. В такие моменты я вспоминала, как сильно его люблю. Когда он защищал меня. Когда снова становился тем человеком, которого я когда-то встретила – который сражался за меня, уважал меня, был ко мне внимателен, для которого я что-то значила. Никогда бы не подумала, что в споре с родителями он кинется на мою защиту.

– Какой смысл к этому возвращаться? – недоуменно спросила мать. – Что сделано – то сделано. Когда-нибудь ты еще скажешь нам спасибо.

– Пошли отсюда, – сказала я Пьеру.

– Конечно, поехали домой.

– Да ладно, Ирис, оставайся, все в порядке, – возразил брат.

– Они все изгадили. Мне больше нечего делать в доме, в семье, где меня никто не уважает! Вы всего лишь...

– Мы всего лишь кто?

– Вы мелочные, ограниченные, зашоренные. От вашей жизни мне блевать хочется... Вы косные ретрограды!

Отец вскочил со стула:

- И не надейся вернуться в этот дом, пока не извинишься!

Я посмотрела на него в упор. Пьер чуть отодвинул меня и шепнул, что не надо зарываться.

- Да никогда в жизни! И вообще извиняться должна не я.

- Ирис имеет полное право злиться, - поддержал меня муж.

Он взял меня под руку, и я покинула - похоже, навсегда - дом своего детства. Смогу ли я когда-нибудь простить их? Сомневаюсь.

В машине я разрыдалась. Пьер обнял меня, перегнувшись через рычаг переключения передач. Он гладил меня по спине и шептал слова утешения.

- Ты позволил бы мне пойти в эту школу? - всхлипывала я.

- Конечно, - ответил он после короткой паузы. - Поехали, хватит здесь торчать.

Он разжал руки, я выпрямилась на сиденье, машина тронулась.

Я смотрела в окно, но ничего не видела. Впрочем, что интересного я могла увидеть? Буржуазный городок воскресным днем - настоящий город-призрак. Я яростно вытирала слезы. Меня душили обида и негодование. Я кипела. Хотелось все разгромить, послать к черту. Почему родители всегда против меня? Что я им сделала? Чем заслужила такое отношение? Они не сумели услышать мои желания, понять, что я мечтаю стать номером один в швейном деле. Что плохого в такой мечте? Я тратила время на борьбу с ними, на попытки доказать, что способна добиться своего. Продолжала шить, даже после того как они отрезали мне путь к профессиональному обучению и выбрали для меня высшее образование. Годами я пыталась им противостоять, бросала им вызов, водружая швейную машинку на стол в столовой, носила только ту одежду, которую шила сама, и рассказывала о заказах, сделанных мне подругами и их матерями... Пока я думала обо всем этом, Пьер молча вел машину. Я заметила, что время от

времени он обеспокоенно косится на меня.

Когда он припарковался рядом с домом, я вышла из машины и хлопнула дверцей. Потом услышала писк ключа – он запер машину.

– Ирис, скажи что-нибудь, пожалуйста... Не замыкайся.

Я резко обернулась к нему.

– А что ты хочешь, чтобы я сказала? Что они испортили мне жизнь? Что я не хотела такой судьбы?

– Рад слышать, очень приятно. Вот уж не думал, что ты настолько несчастна.

Я съежилась, неожиданно навалилась усталость. Я подошла к нему и скользнула в его объятия. Он был напряжен, я обидела его.

– Пьер, ты совершенно ни при чем, извини, я неудачно выразилась. Я жалею не о том, что вышла за тебя замуж. Как такое могло прийти тебе в голову? Я счастлива, что ты со мной. Но мне и в страшном сне не могло присниться, что я окажусь однажды в банке, я по-другому видела свою жизнь. Тебе это хорошо известно, я ничего от тебя не скрывала.

– Между прочим, я тоже ничего не знал об этой истории со школой.

– Я хотела сделать тебе сюрприз. Ну... если бы меня приняли.

– Пойдем в дом, не будем выяснять отношения на глазах у всей улицы.

Да, конечно, соседи, и в первую очередь наши друзья, наверняка стоят у окон, задавая себе вопрос, что там стряслось у доктора. В ближайшие пару часов телефон будет звонить не переставая. И мы, и все наши приятели живем в одном и том же квартале, самом престижном в городе. Точнее сказать, их дома стоят на пяти ближайших к нам улицах, за пределами которых мир заканчивается.

Когда мы вошли в дом, тишина поразила меня, едва ли не напугала. Я отшвырнула свои балетки и забила в угол дивана в гостиной. Пьер педантично повесил пиджак, положил на тумбочку в прихожей бумажник и ключи от машины. Потом присоединился ко мне. Положил мобильник на кофейный столик, сел рядом и провел пальцами по моим волосам.

- Дорогая моя, я понимаю, как тебе сейчас тяжело...

- Слишком мягко сказано. Он вздохнул:

- Но все-таки твоя мама права в одном: это уже в прошлом. Ты не можешь ничего изменить, поздно.

- Это ты так меня утешаешь?

- Я не говорю, что ты должна их прямо сразу простить, но время все лечит. И по крайней мере, у тебя есть доказательства твоего таланта, раз тебя приняли в эту школу... Теперь тебе не нужно сомневаться - ты действительно умеешь шить.

Он улыбнулся и обнял меня. Ему меня не понять. Никто не мешал ему с головой погрузиться в медицину, никто и ничто. Его телефон завибрировал, прервав мои размышления. Он выпрямился, готовый схватить его и ответить.

- Пожалуйста, только не это, Пьер! Не сегодня.

- Но...

- Нет, прошу тебя, давай обойдемся без клиники. Сегодня воскресенье, у тебя нет дежурства ни в отделении, ни на скорой. Они не имеют права тебя вызывать. Мне надоело, что ты готов мчаться по первому звонку. Я твоя жена, и сейчас ты нужен мне.

- Не волнуйся, я не уйду. Позволь мне только ответить.

Я кивнула. Он быстро набрал эсэмэску и положил мобильник на стол. Потом снова обнял меня. Я хотела сдержать слезы, но у меня не получилось. Не могу,

не желаю опять оставаться одна, без него, в этом огромном доме, если он сейчас возьмет и умчится в свою клинику. Нет-нет, исключено. Особенно после того, что я узнала, и не понимаю, что мне делать с этим открытием, перевернувшем весь мой мир.

Глава вторая

Дней десять я хандрила и мучительно пыталась осмыслить случившееся, но в конце концов ко мне вернулась способность улыбаться. Я решила сделать Пьеру сюрприз. Приготовила романтический ужин со всеми полагающимися атрибутами: свечи, бутылка хорошего вина, красивые тарелки. И симпатичное платье – сексуальное, но в меру, что важно, поскольку Пьер предпочитает классику. Примеряя его в последний раз, я подумала, что обидно надевать такое платье без высоких каблуков. Ничего не поделаешь: в данный момент главное – вкусы моего мужа. Я понимала, что новость, которую я собираюсь сообщить, повергнет его в шок, но надеялась, что курица с тархуном поможет ему это переварить. И вот все готово, осталось убедиться, что мои планы не рухнут по не зависящим от меня причинам. Мне строжайше запрещалось звонить в клинику, кроме самых экстренных случаев, но короткая эсэмэска не должна навлечь на меня громы и молнии.

Ты придешь домой к ужину?

Я начала нарезать круги по кухне. К моему великому удивлению, ждать пришлось всего минут пять, и он ответил:

Да. Хочешь пойти в ресторан?

Я улыбнулась. После скандала с родителями он старался быть предупредительным. Однако я не собиралась отказываться от своих планов и написала ему:

Нет, ужинаем дома, у меня для тебя сюрприз...

Мгновенный ответ:

У меня тоже.

Два часа спустя я услышала, как хлопнула входная дверь.

- Ух ты, как вкусно пахнет! - воскликнул Пьер, заходя ко мне на кухню.

- Спасибо.

Пьер поцеловал меня, не как всегда. Обычно мне казалось, будто я бестелесная: я едва успевала почувствовать его губы на своих - такой себе формальный поцелуй. На этот раз он оказался более интенсивным, более сексуальным. Может, в его намерения входил романтический вечер по полной программе? Я на это рассчитывала и, честно говоря, охотно начала бы с десерта. Я вцепилась в его рубашку и поднялась на цыпочки.

- За стол можно сесть и позже, если ты не против, - предложила я.

Пьер легонько засмеялся, продолжая прижиматься к моим губам.

- Хочу сперва узнать, что у тебя за сюрприз.

Я взяла тарелки, и мы пошли к столу. Я сохраняла интригу и предложила сесть за стол. Когда он утолил голод и поудобнее устроился на стуле, я отложила нож с вилкой.

- Кто первый? - спросила я.

– Давай ты.

Я ерзала на стуле, мои глаза блуждали по стенам, я робко улыбнулась ему.

– Ну, в общем... сегодня я кое-что сделала... то, что должна была сделать давным-давно...

Я отхлебнула глоток вина.

– Ну и?.. – поторопил он.

– Я уволилась.

Он выпрямился как-то заторможенно, словно в замедленной съемке. Над нами пролетела вереница тихих ангелов.

– Скажи что-нибудь.

Его лицо напряглось. Он швырнул салфетку, резко поднялся и сурово посмотрел на меня.

– Могла бы раньше сказать! Черт возьми! Я же все-таки твой муж, и такие решения принято принимать вдвоем. Я тоже имею право высказать свое мнение!

Тут уже разозлилась я. В последнее время пустячный спор мгновенно перерастал у нас в скандал. Мы оба были постоянно на взводе. Любая ерунда могла спровоцировать ссору... если он был дома, естественно.

– Пьер, я сама давно мечтаю с тобой поговорить! Но тебя же никогда нет. Вся твоя жизнь – это клиника.

– Так, теперь оказывается, что во всем виноват я! Не переводи стрелки, не трогай мою работу. Я не собираюсь извиняться за то, что хочу добиться успеха.

– Ты меня не слушаешь, ты на меня не смотришь. Временами мне кажется, будто меня не существует. И не думай, что две последние недели все исправили.

– Хватит!

Он закрыл глаза и потер переносицу.

– Не хочу, чтобы мы ссорились, зачем портить вечер? Ну пожалуйста.

Он снова сел, залпом выпил стакан воды, облокотился о стол и потер лицо руками. Потом покачал головой.

– Ты со своими сюрпризами... – пробормотал он.

И правда, на этот раз у меня все вышло как-то не очень.

– Извини... сейчас я...

– Зря я так сорвался, – перебил он.

Он поглядел на меня и, потянувшись через стол, взял мою руку. Я ему улыбнулась. Напряжение спало. По крайней мере, я на это надеялась.

– И потом, в конечном счете это идеально сочетается с моим сюрпризом... На самом деле, лучшего решения ты принять не могла.

Я ошарашенно вытаращила глаза:

– Мы навсегда переезжаем к папуасам?

Он рассмеялся, я тоже. Он крепче сжал мою руку:

– Нет, я хочу ребенка. Разве не пора?

Он напряженно смотрел на меня, явно взволнованный тем, что сейчас сказал, и уверенный, что я подпрыгну до потолка от счастья.

Улыбка понемногу сползла с моего лица. Наши планы утратили синхронность.

- Ты сможешь полностью посвятить себя семье, как это всегда и предусматривалось.

Нужно было срочно остановить его.

- Пьер, стоп!

Я выдернула руку:

- Я уволилась из банка не для того, чтобы заводить детей.

Он тоже стал серьезным.

- А почему тогда? - спросил он, сжав челюсти.

- Я нашла место, где можно научиться шить.

- Ты шутишь, надеюсь.

- А что, похоже?

Он посмотрел на меня как на умственно неполноценную.

- Но это же безумие! Что сделано, то сделано. Поздно, ты никогда не будешь дизайнером. Родители подложили тебе свинью...

- Свинью? Издеваешься? Я вскочила со стула.

- Поздно, - снова повторил он. - В твоём возрасте учиться не начинают... Да и учеба - слишком громкое слово. Что она изменит в твоей жизни?!

- Ещё как изменит! После курсов я открою мастерскую. Начну с переделок и ремонта, потом понемногу наберу клиенток и стану делать что-то более интересное, буду шить одежду на заказ.

- Погоди-ка, погоди-ка!

Он тоже встал и заходил по комнате.

- Ты намерена заняться ремонтом и переделками?

- Для начала - да. У меня же не будет выбора.

- Бред какой-то! И ты будешь ползать на четвереньках перед нашими приятельницами, чтобы подшить им подол? Насчет того, что будут говорить на вечеринках, лучше уж промолчу!

- Тебя больше волнует, что скажут люди, чем мое счастье? То есть на самом деле ты на стороне моих родителей!

- Вот любительница пафосных фраз по любому поводу! Послушай, Ирис, я устал от тебя. Ты все делаешь шиворот-навыворот, совсем не так, как мы планировали. Я тебя просто не узнаю.

Он схватил валявшийся рядом пиджак:

- Пойду подышу воздухом.

- Давай-давай, уходи, как всегда, от разговора!

Он вышел в сад и растворился в темноте.

Несколько мгновений я сидела в ступоре, потом задула свечи и начала убирать со стола. В одиночестве, обливаясь слезами, мыла посуду. Это были слезы ярости и боли. Опустив голову над раковиной, я шумно шмыгала носом. Почему вечер, который так хорошо начинался, пошел вразнос со скоростью света? Мы стали чужими, говорим на разных языках, разучились слушать, понимать ожидания друг друга.

Минут двадцать спустя я услышала, как стукнула дверь. Я сняла резиновые перчатки и пошла ему навстречу:

- Позволь, я тебе объясню, пожалуйста...

Он окинул меня холодным взглядом:

– Я иду спать.

И, не сказав больше ни слова, вышел.

Итак, мне тридцать один год, мой муж, которого карьера волнует больше, чем жена, неожиданно вспомнил, что у нас должна быть большая семья. Еще у меня только что была работа, единственный плюс которой заключался в том, что она не давала мне сойти с ума, сутками сидя в одиночестве в пустом доме. Я только жена Пьера и больше никто. Я хорошо понимаю, чего от меня ждут: я должна быть милой и покорной, благодушно улыбаться профессиональным подвигам своего обожаемого и нежного супруга, а в будущем стать примерной матерью, которая обустроивает образцовый домашний очаг, рождает ребенка за ребенком и сопровождает все школьные экскурсии своих отпрысков. Я прямо слышала, как свекровь повторяет: “Как хорошо, что ты умеешь шить! Сможешь делать маскарадные костюмы для школьных вечеров и наряды для рождественских постановок”. Жены врачей не обязаны работать. Я была категорически не согласна с этой допотопной точкой зрения. Когда-то родители за меня решили, как мне жить. А теперь и муж собирается сделать то же самое. Я отказываюсь от роли наседки, дающей жизнь белоголовым ребятишкам.

Мы теряем друг друга, вязнем в рутине и полном взаимном непонимании. Пора мне взять все в свои руки. Часть ответственности лежит на Пьере, но я готова признать и собственную вину. Моя инертность, пассивность, горечь последних дней тоже стали одной из причин угасания нашего супружества. Мой профессиональный прорыв спасет нас, я должна доказать это Пьеру. Я снова стану той, в которую он когда-то влюбился.

Когда я подошла к кровати, Пьер вроде бы спал. Я не стала включать свет и осторожно подползла под одеяло.

– Долго ты собиралась, – произнес он.

Я прижалась к его спине и обняла за талию. Коснулась губами спины. Мне не хотелось, чтобы мы засыпали так далеко друг от друга. Он напрягся и

высвободился из моих объятий.

– Сейчас не время, Ирис.

– Да я и не собиралась... Впрочем, с тобой всегда не время. – Я откатилась на свою половину. – Интересно, как нам удастся завести ребенка...

Пьер встал и включил лампу. Сел на край кровати, обхватил голову руками:

– Не хочу начинать очередной спор, поэтому не буду отвечать на твое замечание. Но ты вообще отдаешь себе отчет в том, что происходит?

Он взглянул на меня через плечо.

– Ты провернула это за моей спиной, как тогда за спиной родителей, и говоришь, что не хочешь детей. Как это понимать?

Я тоже села на кровати.

– Мне уже не пятнадцать лет, и нечего сравнивать сегодняшнюю ситуацию с тем, что было десять лет назад. И я никогда не говорила, будто не хочу детей, но потерпи чуть-чуть. Я потратила десять лет жизни, поддерживая тебя, пока ты учился и строил свою карьеру в клинике, а теперь прошу тебя дать мне всего полгода.

– Что это за курсы? Расскажи.

Я рассказала. Объяснила, почему это так круто. Несколько дней назад я совершенно случайно забрела на сайт, где сообщалось о частных, но при этом совсем не дорогих курсах. Государственного финансирования у них нет, деньги вкладывает какой-то не афиширующий себя благотворитель. Моих скромных накоплений хватит, чтобы оплатить учебу. Я успокоила его, подчеркнув, что не стану покушаться на семейный бюджет. Я рассказала, что занятия ведут профессионалы из известных модных домов и даже модельеры высокого уровня.

– Если уж рисковать, то идти до конца, – сказала я в заключение.

- Звучит соблазнительно, но в эту школу наверняка будет серьезный отбор!

- Я должна что-нибудь сшить, не важно что, и написать, почему я хочу поступить и как я представляю себе работу в индустрии моды.

Он погрузился в молчание. Он должен был понять, что я полна решимости, поэтому я добавила:

- Для меня это последняя возможность осуществить свою мечту. Через десять или пятнадцать лет уже не будет смысла пытаться. Как сочетать учебу и воспитание детей? А работу в банке я ненавижу, мне там скучно, у меня портится характер, я просто не я, и тебе это хорошо известно. Ты же хочешь иметь профессиональную жизнь, раскрывающую твой потенциал? Вот и я тоже хочу.

- Ну и ну, - покачал он головой. - Послушай, я устал, и завтра мне рано вставать.

Он снова лег и выключил свет, я свернулась калачиком. Вскоре Пьер захрапел. А меня ждала бессонная ночь...

Я почти не спала. Пьер был в душе, я встала и пошла готовить завтрак. Он появился на кухне, молча налил чашку кофе, встал у окна и смотрел в сад. Я тоже молчала, остерегаясь сказать что-то не то. Потом он заговорил:

- Я тут подумал...

- Да?

Он повернулся и подошел ко мне. Я осталась сидеть и подняла на него взгляд.

- Ладно, становись модельером.

Я широко раскрыла глаза и собралась улыбнуться.

– Но есть одно условие, – добавил он. – Сразу после учебы мы делаем ребенка. И никаких мастерских или магазинчиков. У нас достаточно большой дом. Можешь устроиться на чердаке, ты ведь и так уже там шьешь, вот и продолжай. И одновременно будешь заниматься детьми.

Мяч перешел на мою половину поля. Я встала:

– Конечно, меня это устраивает. Спасибо.

Вот и все, что я сумела выдать. Он вздохнул и отнес пустую чашку в раковину.

– Я пошел. До вечера.

Положенные дни перед увольнением отработать не пришлось, и в конце недели я окончательно распрощалась с банком. Назавтра, ощущая себя боксером, готовым к выходу на ринг, я взялась за дело. Поднялась на чердак, расчихалась от пыли, подошла к машинке и сняла с нее чехол. Я и моя швейная машинка... Между нами такая же связь, как между музыкантом и его инструментом. Мое пианино, моя гитара – это мой “Зингер”. Сегодняшняя ставка слишком велика, и я рассчитывала на него. Машинка работает как часы, так что все в порядке. У меня вспотели ладони и заколотилось сердце. Я не имею права на ошибку. Я уже обдумала, что сошью на конкурс. Набросала эскиз двуцветного, черного с бирюзовым, платья в стилистике Андре Куррежа, с круглым воротником, подчеркнутым отстрочкой, короткими рукавами и хлястиком.

Все готово, нога на педали, ткань в руках. Первый шаг: включить машинку. Лампочка загорелась. Второй шаг: проверить шпульку. На месте и с заправленной ниткой. Третий шаг: разгладить ткань под иглой и опустить лапку. Все идет как по маслу. Итак, я начинаю. Нога мягко давит на педаль, по чердаку разносится характерное постукивание швейной машинки. Руки уверенно держат будущее платье, протягивая его вперед. Я, как замороженная, смотрю на иглу, которая четко входит в ткань и выходит из нее, укладывая идеально ровные стежки.

Работа над текстом заявления не вызвала у меня такого прилива эмоций. А ведь я посвятила ей целых три дня и, к собственному удивлению, испытала при этом определенное удовольствие. Впервые в жизни у меня появилась возможность

выразить свою любовь, свою страсть к шитью.

Когда все было готово, я отправила бандероль по почте.

Делиться своими успехами с Пьером я остерегалась. Он делал вид, что интересуется тем, как продвигается мой проект, но я ему больше не верила. И тем не менее я не позволяла себе никаких упреков. Если он возвращался рано – а это случалось редко, – я встречала его улыбкой. Это было не трудно – я чувствовала, что освободилась, вновь обрела энергию, которой мне уже давно недоставало, и надеялась, что он это оценит. Я ждала ответа в состоянии парализующего страха, но довольно успешно скрывала это. Две последние недели я почти не шила и целыми днями караулила почтальона. Я проводила больше времени в саду, чем дома. Утром я по десять, по двадцать раз выходила проверить, не пришел ли он. На эти курсы я поставила все. Не слишком ли дерзко? Если мне откажут, моя мечта развеется как дым. Второй попытки Пьер мне не даст, и я прекращу принимать противозачаточные таблетки.

Почтальон протянул конверт – вердикт, которого я так ждала каждый день. Я лихорадочно его разорвала. Закрыв глаза, вынула письмо. Глубоко вдохнула и выдохнула несколько раз подряд. Краткий и исчерпывающий ответ был написан черной тушью от руки элегантным почерком на простой карточке кремового цвета:

Жду вас 10 января в ателье.

Я вприпрыжку носилась по дому, издавая вопли радости. Потом на меня напал безумный, неуправляемый хохот. И вдруг я застыла, вспомнив об одной отнюдь не маловажной детали: школа находится в Париже, от нас около трех часов езды на поезде.

– Париж – не ближний свет, – произнес Пьер.

– Ты прав.

Я сидела подогнув ноги на диване рядом с ним. Он был сосредоточен и внимательно меня слушал.

- Когда начинаются занятия?

- Через месяц.

- И что ты об этом думаешь? Действительно хочешь поехать?

- Это же всего на полгода, совсем не долго. Уже в июле я вернусь. Мне безумно повезло, что меня туда приняли.

Я снова попросила его отпустить меня. Он помолчал, глядя мне в глаза, потом встал.

- Где ты будешь жить? Ты же никого не знаешь!

- Найду маленькую студию. Он закатил глаза:

- И ты полагаешь, что я смогу не волноваться?

- Я буду приезжать каждые выходные. Он расхаживал по гостиной.

- Или не будешь. Работа, задания... Дом без тебя опустеет.

- А ты подумай о преимуществах: сможешь торчать в клинике, сколько захочешь, причем без всякого риска увидеть вечером мою недовольную физиономию.

Он на мгновение задумался, а затем улыбнулся. Кажется, я выдвинула убойный аргумент.

- И я смогу столько всего тебе рассказать. Наконец-то ты узнаешь, как хорошо, когда жена счастлива и довольна своей работой.

Не отрывая от меня взгляда, он снова сел рядом и обнял меня:

– Мне будет тебя не хватать.

Все оказалось едва ли не слишком просто. Во всяком случае, слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

– И мне тебя, – ответила я. – Но ты сможешь иногда приезжать ко мне, и мы будем устраивать романтические парижские вечера и уикенды.

– Посмотрим.

Пока мы готовились к праздникам, декабрь промчался, как болид по трассе. Я удивила Пьера, безропотно согласившись помочь свекрови в подготовке рождественского ужина. К его великой радости, я еще и пригласила всех друзей на встречу Нового года, которую сама организовала. Родители Пьера и все наши гости заметили, что я проявила невиданную доселе активность. Однако это не помешало им скептически отнестись к моей затее: “Зачем ты в это ввязываешься?” – повторяли они. Думаю, больше всего они недоумевали, как я смогу расставаться с Пьером каждую неделю. Во всех разговорах на эту тему он сохранял нейтралитет.

А мои родители – это вообще особая история. После того ужасного воскресенья я порвала с ними всякие отношения. Братья время от времени звонили, но все разговоры заканчивались стычками. Они не понимали, почему я не могу простить отца с матерью. Считали, что я развалила семью, что это я во всем виновата. Когда они заявили, что от меня одни неприятности, я предложила им не утруждать себя и больше не звонить. Но особенно меня раздражала реакция Пьера. Он играл роль связного между мной и моей семьей. Согласился снова с ними общаться. Я точно знала, что они постоянно перезваниваются. Он даже готов был принять приглашение на баранью ногу без меня. “Чтобы разрядить атмосферу, – оправдывался он. – И к тому же, – добавлял он с иронией, – ты же все равно в конце концов добилась своего”.

За неделю до отъезда в Париж я потеряла аппетит и приобрела бессонницу – несколько раз за ночь внезапно просыпалась и прижималась к Пьеру, пытаюсь

снова заснуть. Я пробовала шить, но у меня ничего не получалось, точнее, получалось нечто бесформенное, или машинка заедала, или рвалась выкройка. Свекровь со свекром решили поучаствовать в моем начинании: договорились со знакомой супружеской парой, и те взяли меня под опеку и сдали мне крохотную квартирку рядом с площадью Бастилии. Я никак не могла сложить вещи: как только я пыталась решить, что брать, меня охватывала паника.

Я не рискнула попросить Пьера взять неделю отпуска и теперь жалела об этом. И вот вечером я сделала то, чего не делала никогда, – пошла в клинику, чтобы встретить его после работы. Секретарша отнеслась ко мне со всем уважением, полагающимся супруге доктора, и сообщила, что у него пациент. Я осталась ждать в приемной.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, выйдя из кабинета через несколько минут.

Услышав его голос, я встала.

– Захотелось повидаться с тобой.

– Пошли.

Как всегда, на работе он сохранял между нами некоторую дистанцию.

– Надо было предупредить, – произнес он, отпирая дверь ординаторской. – Но ничего, тебе повезло, я уже закончил.

– Вот и хорошо, воспользуемся свободным вечером.

Я опустила глаза.

– Что-то не так?

– Нет! Просто я поняла, во что ввязалась.

Он снял халат и спрятал в шкаф лежавшие на столе истории болезни. Я тяжело вздохнула.

- Боюсь оказаться не на высоте. Возможно, в конце концов правы мои родители: шитье – это хобби и у меня не тот талант, чтобы сделать его профессией.

- Послушай, ты ведь как раз и едешь туда, чтобы выяснить, на что способна, это своего рода тест, и если поймешь, что у тебя не получается, переключишься на что-то другое. По крайней мере, не будешь переживать, что упустила шанс. В случае провала никто не станет тебя упрекать, я-то уж точно не буду.

Он обнял меня:

- Что-то еще, Ирис?

- Меня пугает сама мысль, что я не буду видеть тебя каждый день. Мы же никогда не разлучались. Как мы с этим справимся?

Он пожал плечами и погладил меня по спине.

- Ты сама говорила, что это ненадолго, ерунда, всего лишь каких-то полгода. Недели будут пролетать быстро, вот увидишь. Пошли?

Он надел пальто, распахнул передо мной дверь и увлек в лабиринт коридоров. Я чувствовала, что он на меня смотрит. Хотела улыбнуться, изобразить энтузиазм, но думала только о предстоящей разлуке. Когда мы пришли на стоянку, Пьер взял меня за руку.

- погоди, я кое-что забыл, стой здесь, я сейчас вернусь.

И он побежал в клинику.

Через десять минут он вернулся, улыбаясь во весь рот.

- Все в порядке, ты все уладил?

- Пришлось побороться, но я своего добился.

Я нахмурилась.

- Я отменил на конец недели все приемы после восемнадцати часов.

- У тебя не будет проблем?

- Не беспокойся.

Я бросилась к нему, он крепко прижал меня к себе.

Выезд на кольцевую автостраду ознаменовался сменой атмосферы. Она резко сгустилась, стала тяжелой, хотя до этого момента все шло хорошо. Пьер окончательно замолчал, когда искал место для парковки на улице, где я буду жить. Когда же мы вошли в мою студию, я тоже перестала пытаться поддерживать разговор. Он положил чемоданы на кровать и быстро прошелся по помещению. Выглянул в окно, проверил замок входной двери, сунул голову в ванную, включил электрические конфорки в кухонном уголке, открыл холодильник и понюхал...

- Да все в порядке, Пьер!

- Вижу. Ты не разберешь чемоданы?

- Разберу после твоего отъезда, все-таки какое-то занятие, боюсь, мне будет трудно уснуть.

Я подошла к нему совсем близко, положила голову ему на грудь.

- Пойдем поужинаем перед твоим отъездом.

Поковырявшись в тарелке, я отставила ее в сторону – кусок не лез в горло. Пьер сделал то же самое. Он заказал кофе, попросил принести счет и погрузился в

созерцание улицы. Я молчала – знала, что, стоит мне открыть рот, и я сорвусь.

– Как странно, что мы здесь, – произнес он, не глядя на меня.

Я схватила его руку, он повернулся ко мне.

– Надо идти... Мне пора возвращаться...

Когда мы подошли к дому, он обнял меня.

– Будь повнимательнее в дороге!

– Ох, не нравится мне, что ты остаешься одна.

– А что со мной может случиться?

– Нарвешься на хулигана, какой-нибудь несчастный случай... Будь осторожна, пожалуйста.

– Обещаю. – Я подняла голову. – Но это и к тебе относится. Не угробляйся на работе под тем предлогом, что меня нет рядом и некому тебя пилить.

Он взял мое лицо в ладони, откинул волосы со лба.

– Ты знаешь, я не слишком поддерживал твою затею, но хочу, чтобы ты знала: я горжусь тобой, можешь не сомневаться.

Наконец-то я стала ему интересна.

– Обними меня покрепче.

Мы долго стояли, не в силах оторваться друг от друга. Я целовала его щеки, губы, наконец-то дала волю слезам. Пьер вытер мое мокрое лицо и медленно коснулся моих губ. Его поцелуй стал крепче, а потом он осторожно отстранился:

– Я тебя люблю.

Я не слышала этого много месяцев.

– Я тебя тоже люблю.

Последний поцелуй – и он меня отпустил.

– Теперь иди.

– Я позвоню тебе завтра, как только смогу.

Я открыла дверь, Пьер развернулся и пошел прочь. Через несколько шагов он остановился, глянул на меня, улыбнулся и рукой показал, чтобы я заходила в дом. Я послушалась. Проходя через внутренний дворик к своей лестнице, я подумала, что он впервые возвращается в наш пустой дом без меня. Но быть может, это расставание сблизит нас, оживит угасающий огонь?

Дважды повернув ключ в двери своей студии, я села на кровать и огляделась вокруг. В тридцать один год мне придется привыкать к студенческой квартирке. И я очень надеялась, что на выходных мне не будет казаться, будто я приехала в родительский дом только для того, чтобы постирать белье. Отныне в будни моя среда обитания будет ограничена двадцатью квадратными метрами. Не могу сказать, чтобы комната была грязной или обшарпанной, все было чисто и аккуратно. В любом случае что уж привередничать, если это жилье досталось мне бесплатно. Едва ли не впервые в жизни я пожалела об отсутствии телевизора. Обычно я его никогда не смотрю, но сейчас подумала, что в одинокие вечера он бы мог составить мне компанию. Не слишком ли много надежд я вкладывала в это обучение, не грешила ли избытком веры в свои возможности?

Глава третья

Я ощущала в животе ком размером с хороший пушечный снаряд, ладони у меня были влажными, а ноги подгибались. Знакомство с новым местом работы не

придало мне уверенности. Я стояла перед зданием османовской архитектуры недалеко от церкви Мадлен. Сегодня, 10 января, начиналась моя учеба, и меня ждали. А что, если я не потяну? Окажусь не на своем месте? Мой единственный шанс осуществить свою мечту вдруг показался мне таким хрупким! Я постаралась собраться с духом: встряхнулась и двинулась к входной двери впечатляющих размеров. Не успела я ее толкнуть, как она открылась и на улицу вышли двое мужчин с серьезными лицами, в костюмах с галстуком и кейсами в руке. Они не обратили на меня внимания и, продолжая разговор, сели на заднее сиденье большого черного седана, который тут же тронулся. Я вошла в роскошный холл с покрытой красным паласом лестницей, деревянными панелями на стенах, позолотой и живыми растениями, не говоря уж о швейцарской. Ни одного почтового ящика. Только таблички на стене. Capital Risk Development, это не мое, J. Investissements, тоже не мое, G&M Associates, опять не то. Ателье, третий этаж. Вот то, что надо.

В лифте я встретила глазами с отражением в зеркале и испугалась своего вида. Под глазами черные круги, бледная как смерть. На площадке третьего этажа имелась единственная двустворчатая дверь. Я позвонила. Открыла женщина.

– Ирис, полагаю, – произнесла она низким чарующим голосом.

– Да, здравствуйте.

– Я Марта. Я вас ждала. Входите.

Это была женщина лет шестидесяти или чуть больше, редкостной красоты и элегантности, как бы пришедшая из другого времени. Каштановые волосы, постриженные в каре, были завиты и покрыты лаком, но при этом выглядели абсолютно естественными, и это было очень красиво. Глаза цвета лесного ореха и ярко-красный крупный рот придавали дополнительное сияние фарфоровой белизне кожи. Идя за ней по коридору, я любовалась ее походкой манекенщицы: голова высоко поднята, спина прямая, плечи отведены назад. На ней были туфли на высоких шпильках, стройную фигуру обволакивало темное воздушное платье.

– Сейчас я познакомлю вас с ателье.

Широким жестом она пригласила меня войти. За большой стеклянной дверью передо мной открылось помещение, которое когда-то, вероятно, было залом для приемов. Паркет тяжело трещал под моими шагами, тогда как шпильки женщины лишь легонько постукивали по нему. В комнате сохранился мраморный камин, над которым висело большое зеркало. На мгновение мое внимание привлекла потолочная лепнина. На рабочих столах стояло с десяток профессиональных швейных машин. Рядом с каждым столом – деревянный манекен. Свет заливал все пространство, проникая через многочисленные окна. Когда стемнеет, включится огромная люстра. Хозяйка сделала знак следовать за ней.

– Здесь у нас примерочные.

Я вытаращила глаза. Большие занавеси из черного бархата разделяли кабины, одна из стен была целиком покрыта зеркалами. Мебелью в этом странном будуаре служили диван и пуфы, обтянутые пурпурным бархатом. Затем мне показали склад, настоящую пещеру Али-Бабы. Рулоны шелка, хлопка, атласа, парчи, джерси, ламе, крепа; ткани, одна шелковистой другой, соседствовали с коробками, полными пуговиц, перьев, кружев, бусин, тесьмы и галунов. Смежный со складом салон предназначался для раскроя моделей. Вся квартира была полностью переоборудована под ателье, но при этом ее типично французский шик сохранился нетронутым.

Женщина увлекла меня на винтовую лестницу.

– На этом этаже кухня, ванная и шкафы для ваших личных вещей. В данный момент комнаты в глубине свободны. Сейчас мы снова спустимся, но сначала нужно выполнить некоторые формальности.

Она вошла в одну из комнат и села за письменный стол. Протянула мне несколько листов, удобно устроилась в кресле, взяла мундштук, вставила в него сигарету и закурила. Завитки дыма чувственно вились вокруг ее лица. Мне пришла на ум Коко Шанель. Пока я заполняла анкету, она молча наблюдала за мной, что усилило мое замешательство. Ответив на все вопросы, я собралась с духом и спросила:

– Кто вы?

Дрожащий голос выдал мою растерянность. Женщина улыбнулась. Мое смятение как будто забавляло ее.

– Но я же вам уже сказала, я – Марта.

– Это вы ведете курсы? Она расхохоталась.

– Я? Да я не умею держать в руках иголку. Лучше воспринимайте меня как хозяйку дома. Или домоправительницу, если вам так больше нравится. А теперь пойдете вниз, ваши коллеги уже должны были прийти. Да и вот еще: какие у вас есть инструменты?

– Ну... ножницы, сантиметровая лента, наперсток, разные иглы, еще на чем записывать лекции.

Она склонила голову набок.

– Вы девушка серьезная, Ирис... и невероятно скованная.

Это было утверждение, Марта не ждала ответа. Она проводила меня до входа в ателье. Действительно, остальные ученицы уже были там и, сгрудившись возле одного из столов, вполголоса что-то обсуждали. Когда мы вошли, они замолчали и разом вернулись по местам.

– На этом моя миссия заканчивается, – сказала Марта. – Девушки, встречайте Ирис.

Когда она вышла за дверь, я расслабилась. Кто-то откашлялся, и я вздрогнула. Меня ждали на сегодняшнем первом занятии. Я прошла по комнате, сопровождаемая взглядами девушек, которые криво улыбнулись мне. Каждая из них обладала четко определенным стилем, чего не скажешь обо мне – у меня никакого стиля не было. Вот жертва моды, а вот растаманка с пирсингом и дредами, еще одна – явная поклонница хип-хопа, а самая последняя – винтажная барышня до кончиков ногтей. И еще одна общая черта объединяла их: они все были лет на десять моложе меня.

Первый день обернулся полной катастрофой. Все утро я пыталась понять, как работает швейная машинка, совершенно не похожая на моего “Зингера”. Все мои швы на изнанке петляли. Я сломала несчетное число иглол и постоянно нажимала не на ту кнопку. А еще все время колола себя. Несколько раз я ухитрилась испачкать ткань каплями крови, выступающими на уколотых пальцах. В ателье имелась и оверлочная машинка, но я решила, что научусь работать на ней позже: не хотелось в очередной раз выставлять себя на посмешище. Мне стало казаться, что шить я не умею и меня забросили сюда на парашюте совершенно случайно, а если точнее, по ошибке.

В обеденный перерыв я отклонила приглашение соучениц, и их хихиканье утвердило меня в уверенности, что я поступила правильно. Я грызла зерновой батончик, сражалась с проклятой машинкой и в конце концов сумела ее укротить. Всю вторую половину дня я старалась нагнать упущенное. На самом деле юбку с запахом я шила не впервые. После работы я вернулась домой совершенно измотанная и павшая духом. И окончательно погрузилась в уныние, оказавшись в четырех стенах своей студии. Но, поглощая содержимое коробки с равиоли, я пообещала себе, что завтра же приду в норму. И речи быть не может о том, чтобы сбежать, махнув рукой на свою мечту.

Оставшиеся дни недели промчались со скоростью света. В ателье я не позволяла себе отвлекаться на непрерывную болтовню моих товарок. Нужно было сконцентрироваться и нагнать их, потому что я включилась в занятия позже всех – к моему приезду они уже шли. Так что нельзя было терять время. Но главное – не упустить ничего из того, чему здесь учили. Ведь я не забежала сюда на экскурсию, просто чтобы посмотреть, как и что. Преподаватель, которого звали Филипп, когда-то работал с самыми знаменитыми кутюрье, пока не устал от безумной гонки и нервного напряжения модных дефиле. Тогда он решил поделиться своими навыками и умениями с молодежью. “И великая Марта предложила мне поработать здесь!” – рассказал он. Ему было около пятидесяти. Впечатлял его стиль, тщательно, до миллиметра, просчитанный. Фигура спортсмена, руки пианиста, галстук-бабочка, крахмаленная сорочка, жилет с карманными часами на цепочке, на пальце перстень с черепом, на ногах сделанные на заказ кроссовки. Он всегда был в большом черном фартуке, искусно повязанном вокруг талии. Если я допускала ошибку, он смотрел на меня сквозь большие очки с пластиковыми линзами, пронзая взглядом голубовато-стальных глаз, и я знала, что должна все переделать. Он всегда оставался терпеливым и доброжелательным, но при этом был требовательным и строгим.

Ждал от нас тщательно и чисто выполненной работы. Все сделанное на глазок безжалостно отвергалось. Я это ценила. Он не комментировал ни мои планы, ни мои потенциальные возможности. И пока никак не оценивал мою работу, а сосредоточился в первые дни на исправлении всех недостатков и устоявшихся привычек, которые, по его мнению, вредили качеству. Время от времени в ателье заходила женщина, которая меня встретила здесь в первый день. В таких случаях Филипп сообщал нам с доверительной интонацией: “Вот и хозяйка, мои золотые”, – и работа прекращалась, а он шел навстречу и приветствовал ее с подчеркнутым почтением. Она останавливалась на пороге классной комнаты. Ее взгляд ненадолго задерживался на каждой из нас, и я чувствовала, что он делался настойчивым, когда она переводила его на меня. Ведь я новенькая в этой школе, так что придется привыкать к особо требовательному отношению.

В пятницу днем в поезде, который вез меня к Пьеру, домой, я перечитывала свои записи и просматривала эскизы. Всю неделю по вечерам я делала наброски моделей, стараясь воплотить на практике советы Филиппа. Я просто не могла этого не делать. И мне хотелось поскорее рассказать мужу, как я счастлива, что занимаюсь шитьем. Он должен понять, что в моей жизни произошел кардинальный поворот. Я надеялась, что он будет со мной на этом новом этапе. Я вышла из поезда и удивилась, не увидев его на платформе. Проверила телефон, нашла сообщение:

Дорогая, я задерживаюсь в клинике, когда вернусь, не знаю. Извини.

Я успела сделать все покупки, запустить стирку и приготовить ужин, и только после этого услышала, как открывается дверь. Я бросилась Пьеру на шею:

– Наконец-то!

– Извини, но я никак не мог...

– Но теперь-то ты уже здесь, так что поцелуй меня.

Он поцеловал меня и крепко обнял, прошептав на ухо, что ужасно скучал. Прижавшись к нему, я поделилась своими планами на уикенд:

– Давай пойдем завтра вечером вдвоем в ресторан. Может, в тот, где мы праздновали твое окончание интернатуры? А в воскресенье встанем попозже, позавтракаем в постели, а потом, я подумала, будет классно прогуляться где-нибудь на природе. На неделе мы оба, по сути, сидели без воздуха.

– Прекрасно придумано, ничего не хочу сказать, но...

– Ты подготовил что-то особенное?

Я смотрела на него, улыбаясь в предвкушении.

– Да нет, ничего такого, ладно, давай пойдем в ресторан, только вместе со всеми, и вчера мне звонила мать, они ждут нас в воскресенье в двенадцать. Я не смог отказаться.

Я отодвинулась от него:

– Пьер, мы не виделись целую неделю. Я хочу побыть с тобой.

– Но ты же будешь со мной!

– Ну да, и со всеми остальными тоже, а я бы хотела, чтобы были только мы и больше никого. Мне нужно столько тебе рассказать!

– Ты мне уже все рассказала по телефону. И потом, они хотят встретиться с тобой, и чтобы ты объяснила им, чем занимаешься.

До последнего момента я пыталась уговорить Пьера отменить хотя бы поход в ресторан всей компанией. В результате он просто перестал отвечать, и мы отправились в ресторан со всеми. Пьер утверждал, что друзья интересуются моей работой, однако они задали несколько формальных вопросов о моей учебе и парижской жизни и заговорили о другом. У свекра со свекровью на следующий день все прошло по тому же сценарию. Но Пьер был все время рядом, и уже это меня радовало.

На перроне в воскресенье вечером у меня было тяжело на душе. Я держала Пьера за руку и неотрывно смотрела на большие часы.

- Не буду ничего планировать на следующий уикенд, проведем его вдвоем, - сказал он. - Ты была права.

Я приникла к нему:

- Ты вернешься домой?

- Нет, поеду в клинику.

- Зачем?

- Не нравится оставаться дома в одиночестве... Давай садись, уже пора.

Мы едва успели обменяться поцелуями, я поднялась в вагон, и двери тут же закрылись. Пьер не стал ждать, он сразу развернулся, зашагал прочь, и его фигура исчезла на эскалаторе.

Нужно было поступать на индивидуальные курсы, мне было бы спокойнее. Так я подумала, придя в ателье в начале недели и услышав болтовню девушек о субботнем вечере, который они провели в клубе, и об их молодых людях. Я испугалась. Неужели я такая старая, что осуждаю их за развлечения, которые вполне соответствуют их возрасту? Они такие беззаботные и полные жизни! Все у них еще впереди, и плевать они хотели на косые взгляды окружающих. Когда мне было столько же, сколько им сейчас, я была на пороге замужества. Если вдуматься, я вообще никогда не была свободной. А теперь я просто завидовала, и мне было неприятно видеть молодость, которой у меня больше никогда не будет.

Всю вторую неделю мне казалось, что Филипп уделяет мне больше времени, чем другим, и я прохожу негласный тест на профпригодность. Он давал мне индивидуальные задания, не те, что остальным девушкам, а его требовательность выросла на порядок. Меня это удивляло, и одновременно,

несмотря на то, что я воспринимала его отношение как давление, я была в восторге от такого режима. Дополнительные занятия – то, чего я все время хотела.

В третий понедельник Филипп пришел в ателье и без всякого вступления объявил, что у нас есть неделя, чтобы сшить женский брючный костюм. По всей видимости, я преодолела некий рубеж, потому что теперь снова шла по общей программе. Он раздал лекала и велел приступать к работе. Когда я увидела модель, которую нужно сшить, меня охватило отвращение. Такое я носила, когда работала в банке, – униформа на все случаи жизни, невыразительная, абсолютно неженственная. Филипп подошел ко мне.

– Доставь себе удовольствие, – сказал он.

– В смысле?

Он посмотрел в потолок и улыбнулся:

– Вам предлагают сшить мешок для картошки, так что смотри, золотце...

Он развернулся и направился к девушкам, которые отчаянно спорили по поводу выбора ткани.

В конце концов, никто нам не запрещал дать немного воли воображению. Мне даже показалось, будто только что я получила разрешение пофантазировать. Я достала свой альбом для эскизов, собрала на затылке волосы и скрепила пучок карандашом. А потом приступила к переделке модели с рисунка. Мой брючный костюм будет не для офиса, а для выхода в свет, и он подчеркнет красоту женщины.

– Оригинально, – произнес у меня за спиной низкий тягучий голос, когда я доводила свой эскиз.

Я вздрогнула, подняла голову, карандаш в моей руке застыл на полпути к листу. Разговоры в ателье смолкли, все взгляды обратились ко мне. И в первую очередь

взгляд Марты.

– Ирис, пойдём в мой кабинет.

Мое испуганное лицо не остановило ее, и она прихватила мой почти готовый набросок. Марта вышла, а я поспешила за ней. Наверное, я совершила серьезную ошибку, попытавшись отойти от предложенного образца. Но я ведь была абсолютно уверена, что Филипп подал мне сигнал. Направляясь к лестнице, я искала его глазами, но его нигде не было. В кабинете Марта села за стол и предложила мне тоже сесть. Она внимательно изучала мой набросок, зажав мундштук в зубах.

– Зачем ты это сделала? – спросила она, рассмотрев рисунок и возвратив его мне.

– Я вернусь к исходной модели, мне не нужно было...

– Я спрашиваю не об этом. Ладно, можешь не отвечать. Наконец-то ученица, умеющая рисовать и у которой к тому же есть идеи!

– Я не сделала ничего особенного, мадам.

Она подняла руку:

– Называй меня Мартой, никогда не говори “мадам”. Качество рисунка и придуманная отделка костюма говорят сами за себя. И я видела все твои работы с того момента, как ты пришла к нам. Ты умеешь шить. И свободные вещи, и такие конструктивно сложные, как костюмы. Ты не думала о том, чтобы создавать модели?

– Не скажу, что это были модели, но я когда-то сделала несколько платьев, юбок, такие вот базовые предметы гардероба.

– Чем ты собираешься заниматься после курсов?

– Буду шить дома. Делать всего понемножку: переделки, новые вещи время от времени. Ну, я надеюсь...

И это позволит мне быть полноценной матерью семейства, промелькнуло у меня в голове.

- Ничего умнее не придумала?! Я всю неделю буду следить за твоей работой.

- Почему?

- Потому что ты меня заинтересовала. Сделай это! - Она вытянула указательный палец к моему эскизу. - А теперь возвращайся на рабочее место.

Я послушалась и вернулась в ателье. Девушки сразу набросились на меня:

- Чего от тебя хотела Марта?

- Ничего.

- Ну-ну! Продолжай нас игнорировать, - прокомментировала одна из них.

- Такое впечатление, будто ты нас то ли презираешь, то ли боишься, - добавила вторая.

Я не смогла ничего ответить, беседа с Мартой парализовала меня. Они вернулись к работе, оставив меня наедине с нарастающим чувством неловкости.

Час спустя, в обеденный перерыв, я спросила, могу ли пойти с ними. Они с удовольствием согласились. Устроившись в забегаловке по соседству, мы наконец-то толком познакомились, и я с облегчением убедилась в том, что все они довольно симпатичные. Разговаривая с ними, я пришла к выводу, что буквально напичкана предрассудками и разучилась общаться с новыми людьми. Что вообще-то совсем на меня не похоже. Цели этих юных созданий, в отличие от образа жизни, были вполне зрелыми, а их энергия действовала на меня стимулирующе. На обратном пути они рассказали мне, что Марте принадлежит все здание, а она сама живет на двух последних этажах и часто устраивает приемы.

Приступив к выполнению задания, я чувствовала себя менее напряженной, чем еще несколько часов назад. К концу дня я ужасно отстала от графика, но была довольна собой. Я покинула ателье одновременно с девушками.

Два дня спустя я сметывала брюки, когда Марта вошла в ателье с очередным обходом. Она бросила взгляд на работу каждой из нас и завершила проверку возле меня.

Я кивнула ей, здороваясь, – у меня был полный рот булавок. Она снова внимательно изучила мой эскиз, потом пощупала черный шелковый креп, который я выбрала для костюма, и темно-синий атлас для лацканов и деталей отделки. После чего отошла, чтобы что-то обсудить с Филиппом, продолжая при этом наблюдать за мной. Это было более чем неприятно и выводило меня из равновесия.

Она снова пришла в ателье днем, я тогда как раз заканчивала сшивать детали жилета, который должен был заменить в моем костюме жакет. Я надела его на манекен и отошла на несколько шагов, чтобы разглядеть недостатки.

– Когда ты закончишь, я хотела бы показать его одной приятельнице, – сказала она.

– Он того не стоит, это же простое учебное задание...

– Грех растрчивать такой талант впустую.

– Вы преувеличиваете.

Она пристально посмотрела на меня своими ореховыми глазами и улыбнулась:

– Еще поговорим об этом.

Я сгорбилась и тяжело вздохнула, а она расхохоталась и вышла из помещения.

Назавтра Филипп снова дал мне индивидуальный урок, по-другому и не скажешь. Убедившись в том, что девушки справляются самостоятельно, он полностью переключился на меня. И сразу заметил главную трудность в отделке

жилета – вытачные петли внизу на спинке. Я так и не сумела их освоить. Мы бились над ними целый день и часть вечера. Он не жалел своего времени и предлагал повторять работу столько раз, сколько нужно, чтобы достичь совершенного владения техникой. В конце концов результат удовлетворил нас обоих, но я вернулась домой совершенно измотанная и сразу легла спать. При этом я была так взвинчена, что сон еще долго не шел. Стоило закрыть глаза – и перед ними возникали ножницы, иглодержатели, стачной и косой шов...

В четверг вечером я решила поработать допоздна – хотела завтра закончить раньше и поскорее вернуться домой, к Пьеру. Пока Марта здесь, я могу сидеть сколько угодно, сказал Филипп. А она была здесь всю вторую половину дня, наблюдала за мной.

– Ирис, пойдем с нами, выпьем? – предложила одна из девушек.

Я подняла голову от работы и увидела, что они уже готовы к выходу. Я улыбнулась им:

– Спасибо за приглашение, но я еще останусь, хочу поработать.

– В следующий раз?

– Да. Желаю хорошо провести время, и до завтра.

Провожая их взглядом, я пообещала себе, что обязательно пойду с ними на следующей неделе. Они больше меня не напрягали, мне скорее мешало присутствие хозяйки. Я никак не могла понять, чего она от меня хочет. Попыталась не замечать ее и сконцентрироваться на своей задаче. Краем глаза заметила, как она встала и подошла к моему столу.

– Тебе нравится то, чем ты занимаешься, Ирис?

Я посмотрела на нее, она переводила взгляд с моей работы на меня и обратно.

– Конечно.

- Почему ты не захотела шить модель, которая была в задании?

- Мне она не понравилась, годится только для того, чтобы тебя не замечали в офисе. К тому же она вызывала у меня неприятные воспоминания.

Я произнесла свою тираду слишком быстро. Она улыбнулась.

- Твой костюм тоже можно использовать в офисе. Если бы ты его надела на переговоры, то добилась бы своего, просто появившись в комнате. Он подчеркнет все достоинства твоей фигуры.

Я покраснела до корней волос:

- Я шила его не для себя.

Она улыбнулась.

- Жюль оценил бы, надень я такой костюм, - пробормотала она.

Ее взгляд затуманился, на лице проступила глубокая печаль. Она опустила руку в крохотный карман, который я заметила только в этот момент. Что-то вынула оттуда и быстро проглотила. Жест был практически незаметным.

- Мы попросили вас сшить базовую модель, потому что основа - она и есть основа. Ученики, способные выполнить столь сложную работу на таком качественном уровне, - большая редкость, - снова заговорила она.

- Остальным просто не пришло в голову это сделать, вот и все, но они тоже могли бы...

- Твоя патологическая скромность начинает действовать мне на нервы!

Ее лицо было абсолютно серьезным. Она ответила на мой взгляд, и я первая опустила глаза. Она поднялась вверх, вернулась через несколько минут и положила на мой стол ключи.

– Оставайся работать, сколько хочешь, потом закроешь ателье. Я пойду к себе. До скорого, Ирис.

– Э-э-э... до свидания, и спасибо за ключи.

Она легонько помахала мне, не обернувшись.

Я вышла вслед за ней в коридор. Кто эта женщина? Я в очередной раз отметила ее элегантность. У нее была легкая походка, несмотря на высоченные каблуки. Поверх пурпурного платья-рубашки она надела длинный, резко приталенный пиджак, пояс которого не был завязан и свисал с двух сторон. В руке она держала кожаные перчатки, на запястье висела сумка Kelly. Закрыв за ней дверь, я осталась одна в ателье, а во всем здании были только мы двое, я и она. К восьми вечера все уже разошлись по домам.

Два часа спустя я решила, что пора заканчивать. Завтра мне останется только прогладить костюм и срезать последние нитки. Я обошла все помещения и всюду погасила свет. Несмотря на странное поведение Марты, мне здесь было комфортно. Я проверила десяток раз подряд, хорошо ли заперта дверь. Мне захотелось размять ноги, и я пошла пешком по лестнице. Когда я спускалась, то с огромным удивлением увидела на втором этаже женщину, звонившую в интерфон инвестиционной компании. Она обернулась и широко улыбнулась мне. Женщина была похожа на куклу, прямиком сошедшую с картинки манги. Сколько лет ей могло быть? Она работала под инженерю, но выглядело это ненатурально.

– Добрый вечер, – сказала я из вежливости.

– Привет! Идешь из школы?

– Да.

– Повезло тебе! Обожаю шмотки. Хотела быть стилисткой, но отец запихнул меня в коммерческую школу, а я там ни фига не понимаю.

Дверь автоматически открылась.

– Вас ждут, насколько я понимаю?

– Я занимаюсь на индивидуальных курсах и заодно доставляю ужин, – хихикнула она, показывая мне коробки с суши.

С каких это пор на индивидуальные занятия приходят в шубе и в десять вечера? Я прошла рядом с ней и едва не задохнулась от густого клубничного аромата ее духов.

– Хорошей работы.

– О да, обожаю приходить сюда!

Я закатила глаза, постаравшись, чтобы она этого не видела. Продолжая спускаться по лестнице, я подумала, что, чем доставать меня, лучше бы Марта присмотрелась к тому, что делается в ее доме по вечерам. С первого этажа я услышала, как студентка – разносчица суши разразилась глупым смехом, а потом хлопнула дверь. Выйдя на улицу, я не удержалась и посмотрела на освещенные окна второго этажа, где явно занимались не международной торговлей.

Пьер сдержал обещание. Мы ни с кем не встречались. Каждый из нас занимался своими делами, но все-таки какие-то проявления нежности были, и мне показалось, что муж смотрит на меня немного чаще, чем обычно. Во всяком случае, он доказал свой интерес ко мне делом, потому что сам – впервые за долгое время – предложил заняться любовью. Я откладывала до последней минуты рассказ о Марте и о том внимании, которое она мне уделяет. Мне почему-то казалось, что ему эта история не понравится. И я не ошиблась.

– Ирис, будь осторожна с этой женщиной.

– Почему?

– Потому что она вращается в других кругах, не в тех, что мы с тобой, вы принадлежите к разным мирам. Я тебя знаю: ты привяжешься к ней и начнешь придумывать разные сценарии без всяких на то оснований. Она же забудет о

тебе, как только ты закончишь курсы.

– Наверное, ты прав...

Глава четвертая

Заканчивалась очередная неделя занятий. Ежедневно Марта молча наблюдала за мной. Она появлялась в ателье, садилась на диван напротив моего рабочего стола, клала ногу на ногу и не отрывала от меня взгляда. Время от времени она делала знак Филиппу, который все время оставался начеку. Он быстро, чуть не бегом, подходил к ней и отвечал на вопросы. Я чувствовала себя лабораторной крысой, чье поведение внимательно изучают, но ничего не могла с этим сделать.

В четверг я сама предложила девушкам пойти выпить. Они согласились. В этот вечер я поняла, что мне нравится проводить время в женской компании, в особенности с теми, кто разделяет мое увлечение.

После встречи с Пьером – мне тогда исполнилось двадцать лет – я общалась только со студентами-медиками, а потом с дипломированными врачами. И мне никогда не приходило в голову провести время с кем-то из их подруг: шопинг не привлекал меня, его мне заменяли чердак и мой “Зингер”. У нас с приятельницами не было общих интересов, и одежда нам нравилась разная. Они подчинялись диктату известных марок, и, несмотря на тщательный отбор в магазинах лучших, как им казалось, моделей, все они, в конце концов, носили одну и ту же униформу. А вот с девушками из ателье мы отлично понимали друг друга, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, не говоря уж о происхождении. Я отлично провела вечер в их компании. Домой я возвращалась последним поездом метро и в легком подпитии. Знал бы Пьер...

Назавтра Марта отсутствовала, и я чувствовала себя гораздо комфортнее. Однако ветер свободы дул недолго. Незадолго до полудня в ателье появился мужчина лет пятидесяти с седеющими висками. Он шикарно выглядел в своих фланелевых брюках, безупречной сорочке и кашемировом джемпере с

треугольным вырезом. Он поздоровался с Филиппом, который указал на меня рукой. Что еще такого я сделала? Мужчина подошел ко мне, улыбаясь:

- Вы Ирис?

- Да. Здравствуйте.

- Я Жак, дворецкий Марты, - представился он, протягивая руку.

Дворецкий! Наличие у Марты прислуги меня бы не удивило, но дворецкий! В какой мир меня занесло?!

- Марта ждет вас к обеду по этому адресу.

Он протянул мне карточку.

- Будьте на месте ровно в тринадцать ноль-ноль, не опаздывайте.

- Хорошо.

Он мило улыбнулся и вышел.

Час спустя я входила в ресторан неподалеку от Вандомской площади. Я было собралась поискать Марту взглядом, но ко мне уже спешил официант. Не будь я в состоянии легкого шока, его почтительный поклон наверняка вызвал бы у меня смех.

- Мадам?

- Здравствуйте, у меня тут назначена встреча с...

- Она вас ждет, следуйте за мной.

Ничего удивительного, Марта - VIP-клиентка. Он подвел меня к ее столу. Она смотрела на улицу и словно бы не замечала ничего вокруг. Он доставил меня,

словно курьер посылку, и тут же исчез.

- Здравствуйте, Марта.

Не удостоив меня взглядом, она взглянула на часы:

- Ты пунктуальна, я это ценю. Садись.

Я мысленно поблагодарила дворецкого и последовала Мартиному предложению. Ее пронизательные глаза внимательно рассматривали меня. Потом она схватила салфетку, развернула, положила на колени.

- Пообедаем, а поговорим потом.

Мы даже не заглянули в меню, но в мгновение ока, словно по взмаху волшебной палочки, нам принесли еду. Обслуживал нас совсем молодой официант, почти подросток – он подходил к нашему столу, словно поднимался на эшафот. Марта уже успела все заказать, причем для меня тоже. Она приступила к еде. У меня аппетита не было. Она взглянула на мои ладони, словно приклеенные по обе стороны тарелки. Я пересилила себя и начала есть. Да чего же она от меня в конце концов хочет?

Когда она положила вилку с ножом, я поспешила последовать ее примеру и отодвинула тарелку.

- Ты сегодня встречаешься с мужем? – спросила она.

- Ну... да, а откуда вы знаете, что я замужем?

- Из твоей анкеты, дорогая моя. Как он относится к твоим отлучкам?

- Они его устраивают, он имеет возможность работать еще больше, так что ему нравится.

Зачем я все это ей рассказываю? Я вздохнула.

- Чем он занимается?

- Врач. Работает в клинике.

- Ты его, наверное, не часто видишь...

- Да, действительно, хотелось бы чаще.

Я слабо улыбнулась и удержалась от дальнейших признаний: у меня возникло ощущение, что скоро я выложу Марте все, вплоть до цвета моих трусиков.

- А вы, Марта?

- Я пробыла замужем тридцать восхитительных лет. Мой муж Жюль умер три года назад.

- Соболезную.

Она пристально посмотрела на меня, и я, сама не понимая почему, почувствовала себя неуютно.

- Он был законченным трудоголиком, но я любила его все тридцать лет, несмотря ни на что.

Какое мне дело до этого?

- Он был финансистом, спекулировал, играл на бирже, заработал большое состояние. Затем он создал компанию, которую ты видела у нас на втором этаже, занимался управлением имуществом, инвестициями, пенсионными фондами, - продолжала она. - Он всем руководил до последнего дня.

- А теперь кто это делает?

- Его бывшая правая рука. Он полностью доверял этому человеку, и я ему тоже доверяю.

Она жестом распорядилась, чтобы юный официант убрал со стола, и заказала два кофе.

- Впрочем, ты скоро с ним познакомишься... В ближайший уикенд я организую прием, и ты тоже там будешь.

- О-о-о... спасибо, что вы обо мне подумали, но...

- Ты мне нужна на этом вечере, Ирис.

- Я? Но зачем?

Я спрятала дрожащие руки под столом. Меня постепенно охватывала паника.

- Ты сошьешь мне платье, оставляю тебе полную свободу, все необходимое возьмешь в ателье.

- Я не думаю, что...

- А ты наденешь свой костюм, так мы представим твой талант в самом выгодном свете.

- Послушайте, Марта, я не понимаю, почему вы считаете, будто...

- Тебя никто не спрашивает. Это заказ директора твоей школы. Если ты откажешься, можешь на следующей неделе не приходить.

- Вы не можете так со мной поступить, пожалуйста, Марта...

- У меня сейчас встреча, потом я приду в ателье, и ты снимешь мерки.

Она встала. Метрдотель подал ей пальто, и она ушла, оставив меня за столом в одиночестве.

Я вернулась в ателье в невменяемом состоянии. Филипп посмеивался исподтишка - ему было известно, что на меня свалилось. Девушки заметили, что

что-то не так.

- Что с тобой? С привидением повстречалась?

- Марта... Марта хочет, чтобы я сделала ей платье.

- Ух ты, круто!

- Нет, это не круто! Если я откажусь, она меня выгонит.

- Даже не сомневайся, у тебя все получится, и ты останешься с нами.

- Прекратите, я никогда не смогу!

- Ирис, ты самая способная из нас, и ты обязательно прорвешься. И вообще от таких предложений не отказываются. Настройся, соберись. Не ломай себе жизнь.

Филипп предоставил им более продолжительный, чем обычно, перерыв, чтобы они обработали меня и, главное, помешали снова впасть в панику.

Я справилась с эмоциями и выглядела почти нормально, когда ближе к вечеру пришла Марта. Не говоря ни слова, она скрылась в примерочной. Я сделала глубокий вдох, собрала волосы в пучок, взяла сантиметр и блокнот и пошла за ней. Она ждала меня в центре комнаты. Я начала снимать мерки, идеальные, надо сказать. У нее была стройная фигура, очень тонкая талия, пропорциональная грудь, сухощавое, но дьявольски женственное тело, выгодно подчеркнутое темно-синими узкими прямыми брюками и топом из кремового шелка. Марта была чистейшим воплощением самого понятия французской элегантности. Все то время, что я обмеряла ее, взгляд Марты давил на меня. Она знала, что следует делать, поворачивалась, когда нужно, поднимала руки, не дожидаясь моего напоминания. Тишина и физическая приближенность друг к другу сгущали атмосферу в маленьком помещении, и это становилось невыносимым.

- Подскажите хотя бы, что вам нравится, я же не знаю ваших вкусов.

– Твори, Ирис, это все, о чем я тебя прошу. Я хочу, чтобы ты испытала свои силы. Если у тебя не получится, ничего страшного, ты сможешь продолжить учебу, а я оставлю тебя в покое, обещаю.

Я решила довериться ей, несмотря на властность и методы, которые она применяла. Разве у меня оставался выбор?

– Хорошо, я попробую. Но хотя бы заготовьте что-то на замену, на всякий случай. А на ваш прием я прийти не смогу.

Она зажала пальцами мой подбородок.

– Все будет хорошо, дорогая моя, я с тобой.

Получалось, она не оставила мне вообще никакого выбора. Что подумает и что скажет обо всем этом Пьер? Ничего хорошего, подозревала я.

Я прочно обосновалась на складе. Трогала ткани, сминала их в ладонях, сгибала, прикладывала к себе, чтобы понять, как они смотрятся на коже, словом, старалась найти такую, которая мне понравится и подойдет Марте. Пусть источниками моего вдохновения станут ее фигура и ткань. Через несколько часов я сумела выбрать образцы и собралась приступить к эскизам. Взглянув на часы, я поняла, что опоздала на поезд. Ничего не поделаешь, поеду на следующем.

Всю субботу я провела на чердаке. Лихорадочно листала книги о моде и великих кутюрье. Мое внимание привлекали работы Коко Шанель и Ива Сен-Лорана. Оба они сделали центром своего творчества женщину, освободили ее от оков, подарили независимость и уверенность в себе. Я подумала, что интерпретация их идей – то, что надо для моей начальницы. Скомканные и порванные листы бумаги скапливались во всех углах. Я хваталась за голову в прямом и переносном смысле. Мне не нравились мои рисунки, и я не видела Марту в моделях, которые придумывала. Все было недостаточно хорошо. К вечеру мне все же пришлось спуститься с чердака: мы с Пьером были приглашены на ужин к друзьям. Он с иронией рассказывал, какая я старательная ученица. Я никак не

реагировала, но его отношение коробило и огорчало меня. Раньше он вообще не упоминал о моих занятиях. И вот пожалуйста – стоило ему в первый раз заговорить о них, и сразу с иронией, даже с насмешкой. Заслужу ли я когда-нибудь настоящую поддержку? Все остальные тоже подтрунивали надо мной: им и в голову не приходило, что я умею упорно работать. Я терпела, глуповато улыбаясь. Остаток вечера я даже толком не слушала их болтовню, а думала о своих эскизах.

Когда мы вернулись домой, я легла спать вместе с Пьером. Но сон все не шел, я крутилась и вертелась и в конце концов осторожно выбралась из постели.

– Ты куда?

– Пойду поработаю, появилась одна задумка.

Пьер включил свет, сел в кровати и повернулся ко мне:

– А это что, не может подождать до завтра?

– Предпочитаю ухватить идею за хвост, пока она не ускользнула.

Он закатил глаза и погасил лампу.

– Курам на смех, – пробормотал он.

Я не собиралась ночью выяснять отношения, но мне очень хотелось сказать ему, что эти слова можно отнести к тому, как я жила последние годы. Я оставила его безмятежно храпеть, а сама отправилась зарисовывать модель, которая только что пришла мне в голову.

В понедельник утром я увидела, что в выходные мой рабочий стол передвинули. Я по-прежнему оставалась с девушками (которым теперь предназначалась роль своего рода группы поддержки), но чуть в стороне, там, где было спокойнее и просторнее. Всю неделю я работала с остервенением, покидая ателье, только чтобы пойти домой и поспать несколько часов. Все мои мысли были о Мартином наряде. Сперва меня привлекли переливающиеся цвета, а потом я остановила

выбор на диком шелке глубокого ярко-синего цвета – он больше соответствовал загадочной и волнующей индивидуальности моей директрисы. На этот раз Марте придется отказаться от привычных летящих нарядов и подчеркнуть свою осиную талию. Платье будет строгим, повторяющим все изгибы тела, с рукавами длиной три четверти. Я заметила, что она всегда носит одни и те же украшения, и к новому наряду они отлично подойдут, в особенности кольцо, которое прекрасно ляжет в квадратный вырез горловины. Внимательно наблюдая за ней, я заметила, что в любой ее одежде всегда имеется маленький, почти незаметный карман, и решила сделать его и в этом платье. Я заняла комнату, где мы кроили наши модели, чтобы мелом перенести лекала на ткань и тщательно вырезать каждую деталь. Я умоляла Марту посмотреть на платье, примерить его, но она всякий раз отказывалась. Я пользовалась безоговорочной поддержкой Филиппа, который гасил то и дело возникавшие у меня приступы паники. Он меня успокаивал, учил, заставляя переделывать недостаточно безупречные швы или пресловутые потайные карманы. Предполагалась, что это очень важная деталь, кармашки должны быть абсолютно незаметными, а их мешковина идеально плоской. В такие моменты я забывала, что стоит на кону, сколько всего зависит от выполнения Мартино задания. Но можно ли считать ее заказ учебным заданием? В этом я сомневалась.

– Ты помнишь, что я не приеду завтра? – спросила я Пьера в четверг вечером по телефону.

– Ты о чем?

– Я тебе объясняла в прошлые выходные, а ты не слушал. Мне нужно быть на приеме у Марты, она хочет, чтобы я пришла, и не спрашивай меня зачем, я сама ничего не знаю.

– Чем дальше, тем меньше мне все это нравится. Предполагалось, что ты будешь учиться, а не бесплатно вкалывать, и уж тем более участвовать в светских вечеринках.

– Если я откажусь, меня выгонят. А я этого совсем не хочу.

Я сдержалась, но он жутко раздражал меня. Почему я должна скрывать от него свое увлечение?

- Если тебе интересно, могу рассказать, что получила огромное удовольствие от работы на этой неделе.

Только что я закончила гладить готовое платье. Оставалось доставить его Марте. Я натянула на платье чехол и впервые поднялась на шестой этаж. Дверь была распахнута. Я понаблюдала за спящими взад-вперед флористами, доставщиками еды, официантами, потом отыскала глазами дворецкого.

- Извините, здравствуйте, месье...

- Жак, - оборвал он меня.

- Хорошо, Жак! Марта здесь?

- Нет, но я вас ждал. Она поручила мне принять платье и сказать, что такси будет у вашего подъезда в девятнадцать тридцать.

Теперь за мной отправляют такси! Чем дальше, тем более фантастической становилась ситуация. Когда он взял чехол с платьем, мне показалось, будто он вырвал его у меня из рук.

- Осторожно, оно нежное, его нужно сразу повесить.

- Я привык, не беспокойтесь. До вечера!

Он повернулся и пошел, а я следила за тем, как удаляется от меня мое платье. Я привязалась к нему, как идиотка, и теперь до самого вечера не узнаю, подошло ли оно Марте. Я собралась спуститься в ателье, когда Жак окликнул меня:

- Подождите, я забыл передать вам это!

Он протянул мне конверт.

- Что это?

– Ваш гонорар.

Я быстро вернула ему конверт, словно он обжигал мне пальцы.

– Я это не возьму.

Мой отказ привел его в замешательство, а я бегом промчалась по лестнице. В ателье моя группа поддержки ожидала меня в полном составе – и девушки, и Филипп. Последний успел проверить мой костюм, все было в полном порядке, и я могла возвращаться домой и готовиться к вечеру.

Я возлагала большие надежды на душ, несмотря на тесноту кабинки. После месяца тренировок, извиваясь и изгибаясь, я научилась втискиваться в нее без риска заработать радикулит. Надо как следует расслабиться под душем, а заодно придумать несколько подходящих тем для бесед с гостями. Полезно было бы проштудировать “Светский прием для чайников”. На меня вылилась парочка кубометров горячей воды, но самочувствие не улучшилось.

Завернувшись в полотенце, я оперлась о микроскопический умывальник и посмотрела в зеркало. В конце концов, есть вещи похуже, чем приглашение на парижскую вечеринку. Меня уже давно мучило от ужинов провинциальной мелкой буржуазии, следовательно, я получила, что хотела. И теперь нужно держаться до конца: другой такой случай представится не скоро. Постепенно я стала получать удовольствие от приготовлений: уложила волосы в низкий пучок, скромно накрасилась, подчеркнув зеленый цвет глаз. Надела костюмные брюки. Как и задумано, они были сшиты по моей мерке, но я поступила разумно, отказавшись от обеда: их плотный подкройной пояс не потерпел бы никаких лишних бугорков. Я проверила, как они сидят, и была полностью удовлетворена. Затем взяла в руки жилет с обнаженной спиной. Хотелось бы знать, о ком я думала, когда создавала его? Не о себе, это уж точно. Подумай я о себе, он бы закрывал гораздо больше и под него можно было бы надеть бюстгальтер. Вместо этого вся моя спина открыта, плечи обнажены, а декольте, подчеркнутое атласной бейкой густого темно-синего цвета, мягко говоря, глубокое. Проделав несколько замысловатых телодвижений, я ухитрилась застегнуть жилет сзади внизу и зацепить крючок на шее. Потом я взгромоздилась на непривычно высокие каблук лодочек – Пьер предпочитал балетки на плоской подошве – и наконец-то посмотрела в зеркало. Я не сразу себя узнала, но результат мне скорее понравился. Правда, муж никогда бы не позволил мне выйти на люди в таком виде.

Когда я приехала к Марте, у меня оставалось единственное желание – бежать как можно быстрее и как можно дальше. Появлюсь и улизну, как только представится возможность. Мне открыл все тот же дворецкий, забрал мой плащ. Потом наградил меня ободряющей улыбкой и предложил следовать за ним по коридору. Коридор показался мне огромным, бесконечным... Наконец до меня стали долетать голоса, и мой сопровождающий исчез за порогом зала приемов. Человек пятьдесят гостей беседовали, держа в руке бокалы шампанского, между ними порхали официанты, предлагая пирожные, фоном звучала джазовая мелодия. По духу декор квартиры точно соответствовал ее хозяйке – шикарный и сдержанный. Абстрактные картины на стенах, лишенная особых украшений мебель высочайшего качества и тяжелые темные шторы на окнах. Я с волнением искала взглядом Марту... и вдруг увидела ее: она была в моем платье. У меня вырвался вздох облегчения, на глаза навернулись слезы. Эмоции зашкаливали. Женщина, чьей элегантностью я восхищалась, надела одно из моих произведений! Точнее, мое первое настоящее произведение.

Марта заметила меня и сделала знак, приглашая подойти.

– Ирис, дорогая моя, – сказала она, целуя меня в щеку, – твое платье великолепно, этого я от тебя и ждала.

– Спасибо.

Она взяла меня за руки, отступила на шаг и оглядела с ног до головы.

– Я была права, он великолепно идет тебе, но, бога ради, отведи плечи назад и держись прямо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/anes-marten-lyugan/u-tebya-vse-poluchitsya-dorogaya-moya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)